

УДК 811.111'36

В. И. Молодых¹

Т. И. Леонтьева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

Об особенностях речевого акта извинения в китайской лингвокультуре

В статье обсуждаются вопросы влияния китайской традиционной культуры и социокультурных отношений на ценностную систему речевого поведения современных китайцев в многочисленных ситуациях выражения извинения. Рассматриваются такие понятия, как китайский речевой этикет, принцип «сохранение лица» в речевом акте извинения, прототипические (или кооперативные) и непрототипические (конфликтные) ситуации. Ставится вопрос о необходимости системного изучения и описания национальных актов коммуникации в рамках лингвокультурологии и лингвистики текста. В работе предпринимается попытка систематизировать и объяснить особенности функционирования форм извинения в речи современных китайцев через тип культуры, социально-культурные отношения и категорию вежливости, которые рассматриваются как важнейшие регуляторы коммуникативного поведения, предопределяющие китайский национальный стиль коммуникации.

Ключевые слова и словосочетания: речевое поведение современных китайцев, лексико-семантические формы извинения, речевой акт извинения, принцип «сохранение лица», прототипические (или кооперативные) и непрототипические (конфликтные) ситуации.

V.I. Molodykh

T.I. Leontieva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

---

¹ Молодых Валерий Иосифович – канд. филол. наук, доцент; e-mail: Valeriy.Molodyh@vvsu.ru

² Леонтьева Тамара Ивановна – канд. филол. наук, доцент; e-mail: tamara.leontieva@vvsu.ru

On the Features of Apology Speech Act in Chinese Linguoculture

The article discusses the impact of Chinese traditional culture and sociocultural relations on the value system of speech behavior of modern Chinese in numerous situations of expressing apology. We consider such concepts as Chinese speech etiquette, the principle of "saving face" in a speech act of apology, prototypical (or cooperative) and non-prototypical (conflict) situations. The question is raised about the need for a systematic study and description of national acts of communication in the framework of linguoculturology and text linguistics. The attempt is made to systematize and explain the features of the functioning of apology forms in the speech of modern Chinese through the type of culture, socio-cultural relations and the category of politeness, which are considered as the most important regulators of communicative behavior that determine the Chinese national style of communication.

Keywords: speech behavior of modern Chinese, lexical-semantic forms of apology, speech act of apology, principle of "saving face", prototypical (or cooperative) and non-prototypical (conflict) situations.

Введение

Понятия этикета, такта, вежливости уже давно стали важными характеристиками той или иной нации, того или иного проявления национальной культуры в языке. Так, во многих популярных языковедческих учебниках и серьезных научных изданиях в качестве характерной черты национального характера практически всегда указывается отношение в обществе к отдельным проявлениям этикетного поведения.

Феномен извинения как исторически и социокультурный речевой акт в последнее десятилетие привлекает внимание лингвистов, философов, социологов, культурологов. Ученые стараются, во-первых, понять, какие лексико-семантические и синонимические средства выражения служат для обозначения многочисленных, повседневно встречающихся в жизни речевых актов, относимых к «извинению», во-вторых, как правильно их использовать, не оказав психического и морального воздействия на собеседника в речевом акте. С точки зрения системного подхода единство лексико-семантических средств, обозначающих китайский концепт «извинение», и теории речевых актов извинения на материале китайского языка до сих пор проанализировано не было. Именно в этом заключается актуальность исследования, освещаемого в рамках данной статьи.

Методология

Статья посвящена изучению лексико-семантических и ситуативных способов актуализации речевого акта «извинение» в современном китайском языке. Целью работы являются изучение национально-культурных особенностей способов выражения речевого этикета «извинение» в современном китайском языке и анализ существующих теорий речевого акта (РА). Интерес представляет также вопрос о типологическом сравнении способов выражения речевого этикетного акта «извинение» в современном русском и китайском языках. Материалом для

данного исследования послужили лексико-семантические группы слов и речевые акты «извинение», выбранные методом сплошной выборки из толковых, переводных китайско-русских и русско-китайских словарей, а также художественных произведений современных молодых китайских авторов. Общее число страниц составило 560, количество отобранных и проанализированных примеров – 320 в китайском и 240 в русском языках. Анализ проводился с помощью дескриптивного и семантического методов.

Несомненно, будучи универсальным явлением, речевой акт «извинение» является национально-типичным по своему наполнению, т.к. в нем находят отражение культурные ценности, нормы и традиции вежливости. Говорить о специфике русского извинения можно лишь на фоне сравнения с другой языковой культурой. В русском языковом сознании быть вежливым означает, прежде всего, быть чутким, внимательным, помогать другим [4, с. 58]. Следовательно, вежливость в русском сознании ассоциируется в большей степени с активным, действенным вниманием, у англичан – с демонстративным, этикетным вниманием [5]. В дополнение можно говорить об отсутствии у русских такой культурной ценности, как границы личного пространства, нарушение которых считается у англичан нарушением норм поведения. Подобную мысль высказывает Р. Ратмайр в известной книге «Прагматика извинения», где данную особенность языкового поведения русских объясняет следующим образом: «Внутренняя область своего включает не только собственную личность человека, но и более широкий круг людей, думающих и чувствующих так же, как и он. Внутри этого круга людей извинения являются менее необходимыми, чем по отношению к чужим: Да что Вы так извиняетесь, свои же люди! Преобладающее стремление к общему единению и одобрению, так же как и расширение области близких и доверительных отношений, может быть одним из объяснений сравнительно низкой частоты извинений в русской культуре» [9, с. 213].

По имеющимся в научной литературе наблюдениям часто употребительное этикетное слово «sorry» практически всю жизнь сопровождает речевое взаимодействие носителей английского языка. Его можно услышать повсюду: в общественных местах, на улицах, на транспорте – везде, где возникает ситуация как реального, так воображаемого проявления неуважения из-за возникшей угрозы нарушения личного пространства [5, с. 84]. Развивая эту же идею на базе экспериментального материала и теоретических выкладок, Т.В. Ларина приходит к выводу, что у англичан обходительность, частое употребление слов «извините», «простите», «спасибо», «пожалуйста» и др., т.е. любая демонстрация уважения, направлена не на партнера диалога, а на объект разговора. В английской формуле «sorry» говорящий выражает свое сожаление по поводу происходящего (произошедшего), она не имеет направленности на адресата, не содержит никакого побуждения по отношению к нему. Адресат в ответ спешит заверить, что не произошло ничего, что может повредить гармонии отношений.

Извинение как важная составляющая речевого взаимодействия партнеров по коммуникации играет важную роль в повседневном межличностном общении. Использование вербальных формул извинения является одним из способов со-

хранения гармоничных, бесконфликтных отношений между участниками коммуникативного процесса и характерно для всех без исключения лингвокультур, в том числе и китайской. О китайском речевом этикете в целом и о способах выражения извинения написано немало [3; 7; 13; 19; 20]. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что в результате последних постперестроечных социально-политических и экономических преобразований в КНР представление о том, какими и в каких речевых ситуациях актами извинения пользуются «типичные китайцы», нуждается в новых дополнительных изысканиях с привлечением лексических данных корпусных национальных словарей, литературно-художественных источников и ассоциативных экспериментов. Необходимо подчеркнуть, что китайский язык отличается значительным разнообразием и неоднородностью речевых формул извинения, распространенных в КНР, Гонконге, Сингапуре и на Тайване, что является предметом специальных научных изысканий. Существует также единое для китаеязычного мира многообразие формул, где извинение (прощение) усилено при помощи различных возвышенных из письменного языка взъядия интенсификаторов типа: 致歉 (приносить извинения), 赔罪 (просить прощение), 赔礼, 赔礼道歉 (извиняться), 赔话 (приносить извинения) и др. Нас же в данном случае интересует главным образом современная языковая культура в КНР.

На основе уже имеющихся отечественных исследований, китайских источников и собственных наблюдений, связанных с изучением китайского коммуникативного поведения в ситуациях выражения извинения, можно выделить следующие его характерные типологические особенности.

Во-первых, национально-культурная специфика речевого поведения современных китайцев опирается на даосистские, конфуцианские и буддистские этические каноны, выработанные в древнем и средневековом Китае. В Китае традиционно считается, что излишнее использование вежливых форм извинения не столько является способом сохранения гармоничных отношений с другими членами коммуникативного сообщества, сколько портит их имидж и «лицо». Китайцы «любят лицо», стремятся всеми силами его «сохранить» и больше всего боятся его «потерять». «Лицо» – базовый архетип поведения китайцев во всем, в том числе и в речевом акте извинения. Они стремятся идти на всё, даже на смерть, чтобы сохранить лицо (死要面子活受罪 – сы яо мяньцзы хо шоуцзуй).

По мнению Браун и Левинсона, фактор «сохранение лицо» непременно присутствует при оценке извинения и в англоязычных культурах. Речевой акт извинения с этой точки зрения «подрывает» (face-threatening) лицо извиняющегося и «спасает» (face-saving) имидж адресата, поскольку наносит ущерб авторитету говорящего, в то время как авторитет адресата не страдает [14, с. 68, 187, 286].

Аналогичную картину можно наблюдать и в русской культуре. Известный русский фразеологизм *ударить лицом в грязь* (не оправдать надежд, чаяний окружающих) является тому ярким примером. Но вместе с тем в отличие от многих других национальных тактик сохранения лица китайские тактики отличаются большим разнообразием и особой стратагемностью. Следуя национальной традиции, китайцы признают огромную важность учения о «золотой середине».

Как уточняет известный ученый Линь Юйтан: «...и дело здесь не только в географии, но и в жизненных идеалах китайцев, прежде всего в неприятии крайностей, в приверженности запросам простой человеческой жизни, несмотря на всю их тривиальность. В итоге наши мудрецы пришли к выводу, что открыли главную истину, общую для всех философских школ» [6, с. 114].

Во-вторых, выбор ситуаций и речевых формул извинения в любом языке зависит от нескольких условий: 1) социально-психологическая дистанция между участниками общения; 2) коммуникативный статус участников общения; 3) коммуникативные обстоятельства; 4) отношение субъекта к совершенному проступку [8, с. 13]. У китайцев гораздо реже, чем у русских, встречаются различные формулы извинения. В Китае традиционно не принято публично приносить извинения в случае невежливого, бестактного поведения (по русским меркам) в семье, на работе, общественных местах, на улице. Объясняется это, с одной стороны, грамматическими особенностями китайского языка – личные местоимения практически не допускают прямого сочетания с глаголами извинения. Например: 对不起 (对不起 我没有听懂你的话 – Извините, я вас не понял); 不好意思 (不好意思把你的书弄脏啦 – Извините за то, что испачкал вашу книгу) и др. 道歉 (不管我道歉不道歉 结果都一样 唯唯若若到是更不好 – Независимо от того, извиняюсь я или нет, результат один и тот же, но обещание еще хуже; 向你道歉 刚才胡言乱语 我不再乱讲话了, 别介意啦! – Я извиняюсь перед тобой, я просто наговорил глупости, я больше не буду нести вздор, не обращай внимания!) 抱歉 (打扰你了, 很抱歉 – Простите за то, что побеспокоил; 我很抱歉 不应该拿他的东西 – Извините, я не должен был брать его вещи) и др. С другой стороны, во всех этих случаях коммуникант не берет вину на себя, а как бы старается оправдать себя и сохранить свое «лицо», констатируя сам факт случившегося или в лучшем случае объясняя все его внешние обстоятельства.

В-третьих, одной из доминантных ценностей китайской коммуникативной культуры считается эмоциональная выдержанность, т.е. умение сдерживать и контролировать свои эмоции. Эмоциональная сдержанность и самоконтроль – важнейшие особенности поведения китайцев, неотъемлемые составляющие понятия «лицо». Несдержанность и отсутствие контроля расцениваются как свидетельство недостаточной зрелости, невоспитанности, ставят окружающих в неудобное положение. Китайский язык очень удобен для того, чтобы сохранить свое «лицо», скрывать свои мысли и не указывать четко на субъект действия, нередко опуская связующие звенья в высказывании.

Основным источником сведений о формулах вежливости являются справочники по речевому этикету, где предлагаются в основном популярные разговорные выражения, их сходства и различия, адресованные иностранцам, изучающим китайский язык. Имплицитные формы извинения без объяснения того, за что конкретно и перед кем просят прощения, приводятся как синонимичные варианты. В справочнике «Популярные китайские разговорные выражения» среди ряда фраз, нацеленных на сохранение «лица», в качестве такого примера приводится формула 我这不是来了吗 (А разве я что-то не так сделал?), когда говорящий вместо извинения и уместного использования в подобных ситуациях формулы

对不起 (Извините, простите) переспрашивает, перебивает собеседника, всеми силами стараясь выгородить себя [18, с. 124–125]. Другая разговорно-этикетная форма 没法说 – трудно объяснить (неудобно), восходящая по смыслу к этикетной форме, приводимой в классическом памятнике по китайской историографии «Исторические записки» Сыма Цяня (145–67 гг. до н.э.). Следует заметить, что данное выражение является формой оправдания при извинении и не содержит просьбы быть снисходительным.

В-четвертых, при изучении китайских формул извинения важно учитывать лексико-грамматические особенности средств выражения извинения в китайском языке. В исследованиях, связанных с проблематикой речевого акта извинения в китайской лингвокультуре, семантические особенности до сих пор менее изучены. Заслуживает внимания семантическая наполняемость лексем по отношению к речевому акту. Китайским студентам-филологам 2 курса, обучающимся в 2019 году во ВГУЭС (всего 86 человек), авторами данной статьи было предложено письменно выполнить следующее задание: составить как можно больше этикетно-речевых выражений, обозначающих извинение, уместных в данной речевой ситуации (в условиях студенческой жизни в России). Результаты опроса показали, что китайские студенты предпочитают использовать для выражения извинения следующие эксплицитные обороты: 对不起 我错了 (Извините, виноват), 请原谅我 (Пожалуйста, извините меня) 很抱歉 (Прошу прощения), 希望你能原谅 (Надеюсь на вашу благосклонность), 给您添麻烦了 (Простите за беспокойство), 万分抱歉 (Крайне сожалею), 深感歉意 (Глубоко сожалею), 不好意思 (Прошу прощения), 感到很抱歉 (К большому сожалению), 请原谅我的过错 (Прошу простить за мой просчёт), 我向您表示歉意 (Выражаю вам свое сожаление) 我向您道歉 (Приношу Вам свои извинения), 我诚挚地向您道歉 (Приношу Вам свои искренние сожаления).

Итоги эксперимента позволили нам сделать вывод о достаточной компетентности опрошенных китайских студентов в вопросе владения речевыми штампами «извинение». Идея речевых жанров «извинение» принадлежит Н.А. Ковалевой, разработанная на идеях М.М. Бахтина и Т.В. Шмелевой о том, что речевой жанр – это «особая модель высказывания, из чего следует, что анализировать его необходимо в двух направлениях: исчисление моделей и изучение их воплощения в различных речевых ситуациях» [2, с. 34–37]. Не вдаваясь глубоко в проблему речевых жанров извинения в китайском языке, поскольку это тема отдельного исследования, заметим здесь лишь важную мысль о том, что извинение относится к особым формам речевого этикета, цель которых – выразить свое отношение к «вине» для создания благоприятных условий реализации речевого акта.

Изучение изолированных языковых форм без учета всего многообразия экстралингвистических параметров конкретной коммуникативной ситуации в китайском языке и литературе не обеспечивает правильного толкования речевого акта извинения у китайцев. Несомненной является позиция адекватного отражения работы души китайского гражданина, отважившегося на извинение. Как было показано выше, китаец отчаянно боится потерять лицо, и чем чернее душа человека, тем огромнее его страх потери лица. Вопрос о «китайской душе»

не ставился раньше в лингвистической литературе, однако анализ душевных факторов в «межличностных интеракциях» (термин Ратмайр) китайцев, их эмоционального поведения в сложной коммуникативной ситуации извинения показывает, что китайцу порой невозможно признать себя виновным.

В исследовательской части данной статьи мы формулируем гипотезу о необходимости осознания чувства вины для совершения речевого акта извинения, это глубокая работа души, эмоционального переживания, истинного страдания. Принято считать, что только русская душа трагична, всегда в смятении и сомнении, но, как явствует из молодой китайской литературы, китайцам тоже свойственны душевные страдания и чувство вины. Происходит это только в очень трагичных обстоятельствах, но именно такие ситуации, на наш взгляд, раскрывают истинный характер китайцев. В предлагаемом здесь анализе прискорбных ситуаций, в которые попадают герои таких рассказов, как «Без гнезда», «Грехи человеческие» и др., написанных современными авторами, мы становимся свидетелями непрототипических видов извинения, когда обиженная сторона не желает примирения. Однако по прошествии времени и при содействии сочувствующих обеим сторонам свидетелей герои приходят к консенсусу, в этом переходе от вражды к пониманию и заключается способность китайцев к серьезной, труднодостижимой работе китайской души.

В когнитивной модели «человека извиняющегося» выделяются прототипические (или кооперативные) и непрототипические (конфликтные) ситуации. Понятие прототипических ситуаций извинения было введено А. Вежбицкой, в них извиняющийся строит свое речевое поведение в соответствии с коммуникативными ожиданиями собеседника [1, с. 91–92]. Тогда говорящий использует формулы вежливости, аргументы и доказательства отсутствия злонамеренности в своих поступках и получает прощение адресата.

Отечественный исследователь Ю.В. Туфанова расширила эту модель за счет иного положения вещей, когда бесконфликтное общение невозможно. «Нередко, несмотря на все вербальные и невербальные усилия адресанта (человека, приносящего извинение), ситуация общения становится конфликтной. В такой ситуации происходит столкновение интенций собеседника (кооперативной со стороны адресанта и конфликтной со стороны адресата)» [12, с. 10]. Это и будет непрототипическая ситуация.

Учеными делаются попытки выявить признаки непрототипических ситуаций в зависимости от самого взгляда на такую ситуацию. Единства мнений пока нет, но допускается, например, понимание ее как соединения прототипических признаков с непрототипическими, некоторого соединения черт тех и других: «Отход от прототипа мы наблюдаем в таких случаях, когда появляются новые признаки или характеристики ситуации извинения, отличные от прототипических» [12, с. 9]. Появляются такие неожиданные характеристики, как «адресант извиняется за другого человека» или «извинение сигнализирует о сбое в общении», «адресант приносит извинение – адресат не принимает его» [Там же, с. 9]. Из опыта нашего изучения различных ситуаций общения на примере современной китайской прозы и анализа вербальных и невербальных способов межлич-

ностного взаимодействия были выведены такие компоненты непрототипических ситуаций: адресат не склонен к кооперации; извиняющийся умалчивает свой авторитет самым актом просьбы о прощении; принимающий извинение возвышается в собственных глазах; адресат может потребовать возмещения ущерба; виноватый способен приписать себе даже несуществующую вину; извинение за другого человека в экстремальных условиях требует огромных моральных и физических сил; страдание обеих сторон при экспрессивном акте прощения способно привести к их кооперации.

Анализ устно-речевых дискурсов

Первый пример диалогического дискурса взят из рассказа молодого китайского писателя Чэна Инбина «Радость встреч» [25]. Со стороны молодого героя, прозванного «старина Чэн», извинение прозвучало в довольно пикантных обстоятельствах и фактически не было принято так, как это должно быть. Обратимся к ситуации: старина Чэн человек молодой, открытый, гостеприимный, в день его зарплаты друга, зная об этом, без стеснения приходят к нему, чтобы вкусно поесть за его счет, и он не в силах им отказать. И вот однажды ему позвонили по телефону, но разговаривать не стали, через некоторое время он получил эсэмэску с просьбой встретиться вечером у входа в парк.

«Покорбавшись, я решил пойти на эту встречу. ... Отправил на тот номер сообщение: «Ты где?» Ответили: «В парке слева на каменной скамейке, под третьим камфорным деревом». Пошел туда и увидел девушку. Я разволновался и в то же время воодушевился, запахнув от волнения пальто, подошел и поздоровался. Затем потер руки и спросил:

– Вы меня ждали?

Девушка обрадованно вскочила и сказала:

– Пойдем!

Я опешил:

– Куда пойдем?

– Пойдешь – узнаешь. Пятьдесят юаней.

В смятении я шарахнулся от нее:

– Простите! Простите! Вышло недоразумение, я ошибся!

Женщина, глядя на мое смущение, как ни в чем не бывало, спросила:

– А не все ли равно, к кому тебе обращаться?» [25, с. 435]

«犹豫再三, 我决定去会会此人。我给那人发了条短信问他在哪里, 那人回答在公园左边第三棵樟树下的石椅上。我走过去, 那里确实有一个女人坐在石椅上, 我有点紧张也有点兴奋, 于是拽了拽外套走上前去站在那女人的跟前说, 你好。接着我又搓着手说, 你找我? 那女人很高兴地站起身说, 走吧。我一愣说, 去哪里? 她说, 去了不就快了吗? 五十块钱。我惊慌失措地甩开她的手说, 不好意思, 不好意思我找错人了。那女人看着我的窘样不屑一顾地说, 喊, 找谁不是一样?!» [程迎兵, с. 5]

Ситуация необычная, и коммуникативная интенция героя рассказа по имени Чэн, состоящая в отказе от встречи с девушкой «с улицы», понятна читателю. Чэн прибегает к конвенциональной формуле вежливости, хотя, судя по его физическому состоянию в этот момент, он ошеломлен и обескуражен. Автор раскрывает его смятение с помощью таких лексических единиц, как *разволновался*, *воодушевился*, *запахнув от волнения пальто*, *потер руки*, читатель ожидает

романтическую встречу, это чувство остается с читателем, когда он глядит на *обрадованную* девушку. Но то, что она произнесла, повергает Чэна в ужас и полную растерянность, что подтверждается использованием таких глаголов, как *опешил* и *шарахнулся*. Эти невербальные характеристики свидетельствуют о разных моделях мира двух героев, и извинение, произнесенное Чэном, показывает не только его благовоспитанность, но и явный испуг. Так, с помощью стилистического приема обманутого ожидания (герой явно не ожидал встретить девушку легкого поведения) автор разрушает возможную идиллию, к которой Чэн уже стал приближаться в своем воображении. Примечательно, что произнося извинение, он берет на себя вину за происшедшее с ним: «*Простите! Простите! Вышло недоразумение, я ошибся!*» Согласно Р. Лакоффу, личность извиняющегося меняется, он как бы признается в своей несостоятельности, но в то же время герой может и вырасти в глазах окружающих или в собственных глазах [15, с. 24]. Отказываясь от услуг проститутки, он, конечно, вырастает в собственных глазах, но автор этого не показывает. Каким же образом осознание данной ситуации помогает понять настоящую ценность произнесенного прощения?

С одной стороны, прототипическим является само извинение и ожидание говорящим понимания со стороны девушки. С другой стороны, мы становимся свидетелями неприятия этого извинения, т.е. ожидание не оправдалось, и подобная ситуация приобретает черты непрототипической. Ее непрототипичность подтверждается также умением героя вести себя «по-джентльменски», считать случившееся недоразумением, а себя виноватым в нем. Соединение в одном речевом акте извинения черт прототипической и непрототипической ситуаций делает ее непрототипической.

Объектом следующего комплексного прагма-лингвистического анализа служат речевые акты рассказа «Без гнезда» молодого китайского писателя Сюн Юйцуня [24]. Они представляют собой диалогические фрагменты, основной целью которых является озвучивание (выражение) чувства вины в качестве извинения. Чувство вины в Китае связано с социальными проблемами, а именно с «неразумным» устройством общества. Так, автор подчеркивает жалкое положение деревенского жителя в огромном городе с его чрезвычайно развитой преступностью – сын главных героев рассказа по имени Го Юнь попадает в лапы рэкетиров, в результате чего совершает самоубийство и вместе с собой убивает невинную крошку, маленькую девочку, что является непостижимым поступком с его стороны. Естественно, он принес невыразимое горе своим родителям, а также родителям маленькой девочки. Такова завязка рассказа, и читателю предстоит понять, как же это могло произойти. Отцу юноши Го Жуйжэню и его матери Лун Шаньин сообщают о том, что их сын покончил с собой, прихватив перед тем, как броситься с моста, трехлетнего ребенка. У родителей даже нет денег, чтобы приехать в город и забрать тело своего сына, но ими занимается журналист, который добивается субсидирования. И вот родители, убитые двойным горем, оказываются в большом городе для опознания их молодого сына и доставки его тела в родную деревню. Кроме огромного горя, постигшего их в результате потери сына, отец испытывает огромное чувство вины перед роди-

телями девочки, он рвется извиниться перед ними, покаяться за сына, попытаться хоть как-то оправдать его. Рассмотрим первую ситуацию и проведем ее не-прототипический анализ для понимания поведения героев в весьма трагической ситуации.

Журналист приехал к родителям девочки вместе с Го Жуйжэнем и Лун Шаньин (родителями погибшего юноши), а также с зятем Чжан Туном, он помог им подняться по лестнице и позвонил в дверь. Внутри раздался голос Жэнь Чуаня, отца погибшей девочки. *«После некоторой заминки дверь со скрипом открылась. Отец малышки высунул голову, на его лице по-прежнему застыло скорбное выражение. Он недоверчиво уставился на них. Го Жуйжэнь и Лун Шаньин тут же вышли вперед.»*

– Мы пришли **извиниться перед вами!**

Жэнь Чуань сначала растерялся, а потом понял, что перед ним родители того самого убийцы Го Юня, который лишил жизни его девочку. **Внезапно он заорал громким голосом:**

– **Извиниться? Я не приму ваши извинения!**

Го Жуйжэнь, Лун Шаньин и Чжан Тун разом **плюхнулись на колени перед ним**. Старики не знали, что сказать, и хором твердили **«простите, простите»**. ...

Жэнь Чуань **не мог больше сдерживать чувств:**

– Моя **девочка-а-а-а...** зачем он убил мою девочку... Это слишком жестоко. Извините?! Извините?!!!! – Жэнь Чуань размахивал руками, все больше впадая в неистовство. – Если действительно хотите извиниться, так для начала **верните мне деньги** на лечение. Я потратил несколько десятков тысяч!

Старики **твердили «простите»**, не зная, что и делать. Го Жуйжэнь забормotal:

– Мы и подумать не могли, что наш сыночек придет в Гуанчжоу на заработки и совершит тут преступление... а денег у нас нет.

Жэнь Чуань от скорби перешел к **ненависти:**

– **Так вы сына воспитали?** То есть на вас, как на родителей, нет ответственности? Почему вашему сыну-мерзавцу понадобилось убивать трехлетнего ребенка?!

Лун Шаньин **захлебывалась от слез:**

– Наши сынок тоже погиб... Простите... простите...» [24, с. 29].

犹豫了几秒钟, 门“嚓”一声打开了。小湘女的父亲任川探出头来, 脸上仍然是悲戚的神情, 他疑惑地望着他们。郭端二、龙上英马上上前: “我们给你道歉来了!”任川迟疑了一会, 当他明白面前站着的人就是害死自己女儿的凶手郭端二的父母, 他突然大声叫着: “道歉?! 我不会接受你们的道歉的!”

郭端二、龙上英、张同“扑通、扑通”一齐向他跪了下来。老人不知说什么好, 一个劲说着“对不起, 对不起!”任川赶紧从房里出来, 与记者一起扶起了郭端二。扶龙上英时, 她怎么也不肯起来, 哭着“对不起阿, 对不起阿!”嗓子哽咽, 嘶哑, 苍凉。

任川再也控制不住自己的感情: “我女孩的女儿啊, 他为什么要害我女儿? 我们都不认识阿! 她才来广州, 才三岁啊! 我还没来得及陪她玩一下, 还没有好小孩陪她, 她是想我才来广州怕的啊! 她就这样死了!”任川哭着, 泪水已经失控: “她喜欢布公仔, 每次只是摸一摸, 我们都没舍得给她买! 她多懂事啊, 知道家里穷, 摸完就走。那天还闹着要穿新衣服跟我去上班, 没想到我再也没见到她, 她

死得太惨了！我给她买双凉鞋 她脚肿得连鞋都穿不进。对不起 对不起就行啦？”任川挥动着双手，情越来越激动：“我也是打工的 我一个人二千多块要养一家人 你们要是诚心道歉 你们先把医药费付了。医药费我花了几万元啊！”

郭家人说着对不起 不知如何是好。郭端仁说：“我们养的娃 没想到他来广州打工会做去的事……我没有钱啊……”

任川由伤心转为痛恨：“你们就这样养儿子啊？！你们父母就没有责任？你们可恶的儿子为什么要害一个三岁的小孩？”

龙上英已泣不成声，“我自己的娃也丢了啊。对不起 对不起……” [21]

Перед нами яркий экспрессивный речевой акт, пропозицией которого является столкновение двух намерений: со стороны адресанта, стремление к кооперации, родители юноши надеются на прощение своего сына, соглашаясь с тем, что он совершил чудовищное преступление, а со стороны адресата (отца девочки) полное неприятие этого извинения, речевая атака, сопровождаемая оскорблениями и угрозами. Следует отметить, что сам адресант не принимал участия в преступлении, что делает данное извинение непрототипичным, однако чувство вины за сына, безысходное горе в связи с его смертью и невыразимая печаль по поводу гибели девочки привели родителей Го Юня в дом этой девочки в надежде получить прощение. Тем не менее, отец девочки не в состоянии что-либо понять и принять, его собственное горе разбудило в нем нечеловеческие страсти, и он унижает достоинство этих людей, наносит оскорбления не только в сторону родителей, но и их сына.

Сами языковые средства, используемые автором, отражают различия между сторонами, хотя социально они равны, и те и другие приезжают в большой город на заработки и едва сводят концы с концами. Но со стороны потерпевших другая сторона социально ниже... Естественно, что отказ принять извинение является репликой, противоречащей кооперативному поведению, превентивное заявление отца погибшей девочки: «Извиниться? Я не приму ваши извинения!» усиливает чувство вины родственников мальчика, которые горестно воспринимают то, что произошло, и хотя не понимают, почему их ребенок поступил так, но готовы признать себя виновными за то, что свершилось.

Понять атмосферу разлада помогает широкий контекст. Следует отметить ярко выраженную печаль отца девочки, о ней свидетельствует оценочное словосочетание «скорбное выражение» (лица героя), а также неожиданный крик: «...заорал громким голосом». Речевая партия Жэнь Чуаня богата и разнообразна, она углубляется за счет авторских комментариев: «Внезапно он заорал», «не мог больше сдерживать чувств», «от скорби перешел к ненависти», их эмоциональный накал создает атмосферу нарастающего напряжения. Не будучи в силах сдержать нахлынувших на него эмоций, отец девочки фактически плачет, о чем свидетельствуют фонетические экспрессивные средства: преднамеренное нарушение написания слова, графон, который передает его реальное звучание. В данном примере это графическое удлинение слова «девочка» («Моя девочка-а-а-а»), передающее модуляцию голоса глубоко несчастного отца от крика, переходящего в плач. Цель этого графона, так же как и графической комбинации вопросительного знака с четырьмя восклицательными («Извините?!?!?!»), состоит в

создании образа человека горюющего, неспособного воспринять какие-либо доводы. Это состояние усиливается требованием возместить ущерб за лечение девочки у бессребреников-родителей юноши. Авторский комментарий «Жэнь Чуань от скорби перешел к ненависти» и последующая реплика «Так вы сына воспитали?» служат доказательством того, что отец девочки считает себя вправе оскорблять и унижать адресанта, утверждая свое верховенство над униженными, безответными стариками. Беззастенчивая нахрапистость отца девочки, его интенциональное воздействие на родителей с помощью оскорбительного проклятия на голову их «сына-мерзавца» (слова Жэнь Чуаня) усиливают их чувство вины. Искренность их извинения подтверждается авторским комментарием: все трое «разом плюхнулись на колени», а также бесконечным повторением «Извините... Извините...». Попытка матери юноши, осмелившейся сказать «Наш сынок тоже погиб», также звучит как извинение и является способом привлечения внимания с тем, чтобы вызвать сочувствие и жалость. Коннотативный потенциал их жалобы отклоняется адресатом, и встреча завершается коммуникативным коллапсом.

Несмотря на коммуникативную неудачу в первой встрече, герои рассказа «Без гнезда» находят в себе силы для примирения. Между двумя встречами проходит большая работа души непосредственных участников конфликта, а также активная, деятельная помощь со стороны журналистов и директора развлекательного центра по фамилии У, который выразил готовность помочь финансово обеим семьям. Вторая встреча состоялась после похорон девочки, журналист пригласил обе семьи в приемную редакции газеты. В семье Жэней появляется еще одна родственница по имени Цзян.

*«Журналист решил **разрядить обстановку:***

– Пусть господин У скажет пару слов.

Господин У заговорил:

– Я надеюсь по мере сил помочь обеим семьям справиться с трудностями. Сейчас все общество озабочено этой ситуацией. После случившегося обстановка очень гнетущая. Но это не должно стать лейтмотивом общественной жизни. Мы надеемся, что умершие обретут вечный покой, а живые не станут питать ненависть, нужно освободиться от вражды и от скорби.

*После его слов обстановка **слегка разрядилась**. Го Жуйжэнь поднял голову и посмотрел на Жэней, стоявших напротив. Цзян поблагодарила господина У, она тоже теперь смотрела на семью Го, и ее взгляд слегка потеплел.*

Внезапно Го Жуйжэнь потянул супругу, чтобы та встала, оба зятя при виде этого тоже поднялись с места. Го Жуйжэнь сказал:

*– **Я перед вами извинился и извинился искренне.***

Услышав слова старика, представители семьи Жэнь не могли и дальше сидеть и по очереди поднялись. Теперь все в приемной стояли.

– Наш сынок Юнь дома всегда был послушным, никогда ничего плохого не делал, был хорошим мальчиком. Он приехал на заработки – и все ради семьи, – продолжил старик. – Я и подумать не мог, что в Гуаньчжоу он станет таким! И представить не мог!

– *Простите! Простите!* – зарыдала Лун Шангын, сложив ладони и кланяясь. – *Простите!*

Го Жуйжэнь оперся на край стола, медленно шаг за шагом он подошел и встал перед Жэнь Чуанем.

– *Простите!* – Он схватил Жэнь Чуаня за левую руку. – *Простите!*

Лун Шангын тоже подошла и со слезами схватила отца девочки за правую руку. Жэнь Чуань растерялся, на его глаза навернулись слезы.

Лун Шангын плюхнулась на колени:

– *Я перед вами извиняюсь.*

Жэнь Чуань тут же наклонился и подал ей руку. Цзян тоже подскочила помочь старухе подняться:

– *Тетушка, тетушка, не надо так, тетушка. Мы вас не виним, правда, не виним»* [24, с. 43].

记者想缓和气氛，开口说：“先请吴先生说两句吧。”

吴先生说：“希望尽我的力量，帮助两家人走出困难。现在全社会都在关心这件事情。事情发生后，感到气氛一直很压抑。这不应该是社会的主旋律，我们希望死者入土为安，希望生者不再怨恨，大家一起化解怨恨，化解悲痛。”

吴总经理说完话，室内的气氛有所缓和。郭端口抬起头，看着对面的任家。姜女士说感谢吴先生，她目光看着郭家，眼神渐渐变柔和了。

突然，郭端口拉着身边的老伴站了起来，旁边的两个女婿见岳父的举动，也跟着站了起来。郭端仁说：“我给你们道歉了，我真心地来给你们道歉来了。”

看着老人这么说，任家人也坐不住了，纷纷站了起来。屋里所有人都站了起来。

“我的娃娃在家里一直很听话，从来没有做过什么坏事，是个好娃娃。他出来打工，也是为了我们家里。”老人继续说，“没想到他一到广州就成了这样！没想到啊！”

“对不起啊，对不起啊！”龙上英哭着双手合十，“实在对不起啊！”

郭端口扶着桌沿，一步一挪，走到了任川的面前，“对不起啊！”他一把抓住任川的左手，龙上英也走了过来，抓着任川的右手，哭着。任川有些手足无措，泪水在眼眶里打转。

“叶通。”龙上英跪了下来，说：“我给你赔罪了……”任川慌忙弯腰去拉。姜女士也赶紧伏下身去搀扶：“阿姨，您别这样，阿姨，您别这样。不怪你，真的不怪你。”

Данный фрагмент встречи враждующих сторон имеет вполне объективную пропозицию (провал коммуникации в предыдущем разговоре), а также субъективную цель (иллокуцию) со стороны родителей Го Юня, которые не теряют надежды получить прощение от семьи Жэнь. Непрототипичность данной ситуации состоит в том, что две семьи пришли на новую встречу, не достигнув взаимопонимания, не помирившись. Благородна роль директора развлекательного центра господина У, который своей проникновенной речью призывает их «освободиться от вражды и от скорби». Есть основание полагать, что этот призыв является главным мотивом организованной встречи и желанием помирить враждующие семьи. Несомненная щедрость души господина У изменяет атмосферу непонимания и неприятия между семьями. Для доказательства этого факта автор использует свой комментарий и прямую речь героев. Так, по окончании речи господина У «*обстановка слегка разрядилась*», невербальные средства описания героев показывают, как оттаивают их сердца, какую громадную работу производит душа представителей обеих семей: «Го Жуйжэнь *поднял голову*», представи-

тельница семьи Жэнь Цзян «*поблагодарила господина У*», более того, «*ее взгляд потеплел*». Если в предыдущей встрече наблюдалось нарастание агрессии, то в этой встрече участники ее прилагают усилия к тому, чтобы преодолеть чувства вражды и ненависти, в этом читатели рассказа распознают глубокую китайскую душу. Из непрототипической ситуация превращается в прототипическую, которая, как указывалось выше, основана на коммуникативной кооперации. Мы наблюдаем, как отец юноши вновь обретает достоинство и напоминает Жэнь Чуаню о том, что он уже извинился перед ним, добавляя при этом «...и извинился я искренне». Признаком примирения является встречное движение семьи Жэнь, которые больше «*не могли сидеть*», и теперь все стояли. Сколько глубокого смысла заложено в этой авторской квалификационной фразе, создающей атмосферу доверительного контакта, ее можно считать кульминационной точкой всего рассказа. С этого момента начинается антиклимаксное разворачивание текста: слова отца об их ушедшем сыне, явное чувство раскаяния за его непонятное поведение в большом городе теперь услышаны и поняты. Эмоционально-психическое состояние родителей, экспликация отчаяния еще продолжается: все повторяет как заклинание слова «*Простите! Простите!*» рыдающая мать, хватающаяся за правую руку Жэнь Чуаня, просьба о прощении звучит и из уст отца, но уже нет ощущения беспомощности, герои осознают необходимость примирения. Узуальная семантика слова «простите» содержит в себе ожидание ответного действия, и в поведении, в жестах и выражениях лиц родственников погибшей девочки чувствуется потепление. Эмотивное содержание фрагмента обогащается синтаксисом: императив «Тетушка, тетушка, *не надо так*, тетушка» репрезентирует поворот в сторону примирения, это увещание тетушки полное понимания, уважения и прощения. Последнее усиливается за счет финальной всепрощающей фразы со стилистическим повтором «Мы вас *не виним*, правда, *не виним*», которая звучит ласково и убедительно и тем самым усиливает эффект мирного разрешения конфликта. Снятие вины с души родителей юноши представлено автором настолько правдиво и экспрессивно, что у иноязычного читателя формируется самое высокое оценочное суждение о китайском характере и китайской душе.

Соединение прототипического и непрототипического анализа экспрессивного акта извинения в китайской литературе позволяет сделать вывод о тонкой китайской душе. Такая душа способна не только на оправдание и не столько на оправдание своих действий, сколько на критическое отношение к самому себе, взять на себя вину других людей и за них просить прощения.

Заключение

Изученные способы лексического обозначения и выражения речевого этикетного акта извинения отражают определенные национально-культурные и универсальные особенности говорящих на китайском языке и представляют несомненный интерес для курса теории и практики перевода, а также теории межкультурной коммуникации. Такие выражения представляют особую семантическую сложность для понимания и интерпретации носителями языка в условиях изучения языка во внеязыковой среде, поскольку являются эмоционально ок-

рашенными и национально маркированными. Последовательное обучение студентов, изучающих китайский язык, использованию национально-речевых тактик «извинения» равно, как и «приветствия», «прощания», «выражения благодарности» и др., должно непременно сопровождаться систематичным обращением к особенностям речевого акта в китайской лингвокультуре.

Авторами проведен лишь частичный анализ речевого акта «извинение» в современном китайском языке – на материале словарных статей и современных художественных произведений. В дальнейшем работа может быть расширена проведением опросов носителей языка, принадлежащих к разным социальным группам, анализом языковых средств массовой информации, сериалов и ток-шоу на китайском языке.

1. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – Москва: Языки славянских культур, 2011. – С. 91–124.
2. Ковалева Н. А. Жанровая природа извинения в русском языке // Вестн. Волгоград. гос. ун-та. – 2009. Сер. 2: Языкознание. – № 1 (9). – С. 34–37.
3. Коммуникативное поведение (Русское и китайское коммуникативное поведение). – Воронеж: Истоки, 2002. – Вып. 1. – 76 с.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. – Москва: РУДН, 2003. – 251 с.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – Москва: Языки славянских культур, 2009. – 512 с.
6. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и предисл. Н. А. Спешнева. – Москва: Вост. лит., 2010. – 335 с.
7. Ли Сюэянь. Концепты «благодарность» и «извинение» в языковой картине мира русских (с точки зрения носителя китайского языка и культуры): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2006. – 23 с.
8. Плетнева Е. А. Коммуникативно-прагматический диапазон формул извинения в британской языковой культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2009. – 20 с.
9. Ратмайр Р. Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры / пер. с нем. Е. Араловой. – Москва: Языки славянской культуры, 2003. – 252 с.
10. Серль Дж. Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва, 1986. – Вып. 17. – С. 170–194.
11. Стернин И. А. Теоретические проблемы изучения коммуникативного поведения // Русское и китайское коммуникативное поведение. – Воронеж, 2002. – Вып. 1. – С. 5–9.
12. Туфанова Ю. В. Коммуникативная ситуация извинения: когнитивно-прагматический подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Иркутск, 2010. – 16 с.
13. Ягуфаров Р. А. Речевые стратегии в реализации этикетной ситуации извинения в китайском языке (диахронический аспект) // Новое слово в науке: перспективы развития: материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 20 ноября 2015 г.) / редкол. О.Н. Широков [и др.]. – Чебоксары: ЦНС Интерактив плюс, 2015. – С. 224–226.
14. Brown P., Levinson S. Universals in language usage: politeness phenomena // Questions and Politeness: strategies in social interaction. – N.Y., 1978. – P. 68, 187, 286.
15. Robin Tolmach Lakoff. Apologies as Language Politics; The Un-Apology // The Language War. University of California Press, Berkeley, Los Angeles, London, 2001. – P. 23-31.

16. Trosborg A. Interlanguage Pragmatics. Requests, Complains and Apologies // Studies in Anthropological Linguistics. # 7. – Berlin. New York, 1995. – 410 p.
17. 程迎兵. 相见欢 – URL: // http://blog.sina.cn/dpool/blog/s/blog_75805a720100td17.html
18. 李傑群. 汉语流行口语. Popular Chinese Expression. Latest Edition. 萬人出版社, 2009. – P. 124–125.
19. 李力. 中国人的面子观与汉语道歉的语用特点 // Journal of educational institute of Jilin province. – 2010. – №9. – P. 21–22.
20. 刘思, 刘润清. 对“道歉语”的语用定量研究//外国语 (Journal of foreign languages)/ 2005年第5期. P. 17–23.
21. 熊育群. 无巢 – URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_485f68420100070s.html
22. 汉俄大词典. Большой китайско-русский словарь. 上海外国语大学俄语系《汉俄大词典》编写组. 上海外语教育出版社, 2009. 2877页.
23. 俄汉搭配词典. Русско-китайский словарь сочетаемости слов. 孙致祥主编. 商务印书馆. 北京, 2003. 2255页.
24. Сюн Юйцун. Без гнезда // Времена и нравы. – Санкт-Петербург: Гиперион. – С. 10–45.
25. Чэн Инбин. Радость встреч // Двойной зрачок. Китайская проза конца XX – начала XXI века / отв. ред. А.А. Родионов; сост. Н.Н. Власова, И.А. Егоров, А.А. Родионов; пер. с кит. яз. – Санкт-Петербург: Институт Конфуция в СПбГУ, КАРО, 2015. – С. 433–446.

Транслитерация

1. Vezhbickaya A. Semanticheskie universalii i bazisnye koncepty. – Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2011. – S. 91–124.
2. Kovaleva N. A. Zhanrovaya priroda izvineniya v russkom yazyke // Vestn. Volgograd. gos. un-ta. – 2009. Ser. 2: Yazykoznanie. – № 1 (9). – S. 34–37.
3. Kommunikativnoe povedenie (Russkoe i kitajskoe kommunikativnoe povedenie). – Voronezh: Istoki, 2002. – Vyp. 1. – 76 s.
4. Larina T. V. Kategoriya vezhливости v anglijskoj i russkoj kommunikativnyh kul'turah: monografiya. – Moskva: RUDN, 2003. – 251 s.
5. Larina T. V. Kategoriya vezhливости i stil' kommunikacii: Sopostavlenie anglijskih i russkih lingvokul'turnyh tradicij. – Moskva: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2009. – 512 s.
6. Lin' Yujtan. Kitajcy: moya strana i moj narod / per. s kit. i predisl. N. A. Speshneva. – Moskva: Vost. lit., 2010. – 335 s.
7. Li Syueyan'. Koncepty «blagodarnost'» i «izvinenie» v yazykovoj kartine mira russkih (s tochki zreniya nositelya kitajskogo yazyka i kul'tury): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Moskva, 2006. – 23 s.
8. Pletneva E. A. Kommunikativno-pragmaticheskij diapazon formul izvineniya v britanskoj yazykovoj kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2009. – 20 s.
9. Ratmajr R. Pragmatika izvineniya: Sravnitel'noe issledovanie na materiale russkogo yazyka i russkoj kul'tury / per. s nem. E. Aralovoj. – Moskva: Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2003. – 252 s.
10. Serl' Dzh. R. Klassifikaciya illokutivnyh aktov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. – Moskva, 1986. – Vyp. 17. – S. 170–194.
11. Sternin I. A. Teoreticheskie problemy izucheniya kommunikativnogo povedeniya // Russkoe i kitajskoe kommunikativnoe povedenie. – Voronezh, 2002. – Vyp. 1. – S. 5–9.
12. Tufanova Yu. V. Kommunikativnaya situaciya izvineniya: kognitivno-pragmaticheskij podhod: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Irkutsk, 2010. – 16 s.

13. Yagufarov R. A. Rechevye strategii v realizacii etiketnoj situacii izvineniya v kitajskom yazyke (diahronicheskiy aspekt) // *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya: materialy VI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Cheboksary, 20 noyabrya 2015 g.)* / redkol. O.N. Shirokov [i dr.]. – Cheboksary: CNS Interaktiv plyus, 2015. – S. 224–226.
14. 俄汉搭配词典。Russko-kitajskij slovar' sochetaemosti slov. 孙致祥主编。商务印书馆。北京，2003。2255页。
15. Syun Yujcyun. Bez gnezda // *Vremena i nrawy*. – Sankt-Peterburg: Giperion. – S. 10-45.
16. Chen Inbin. Radost' vstrech // *Dvojnoj zrachok. Kitajskaya proza konca XX – nachala XXI veka* / otv. red. A.A. Rodionov; sost. N.N. Vlasova, I.A. Egorov, A.A. Rodionov: per. s kit. yaz. – Sankt-Peterburg: Institut Konfuciya v SPbGU, KARO, 2015. – S. 433–446.

© В.И. Молодых, 2020

© Т.И. Леонтьева, 2020

Для цитирования: Молодых В. И., Леонтьева Т.И. Об особенностях речевого акта извинения в китайской лингвокультуре // *Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса*. – 2020. – Т. 12, № 2. – С. 227–243.

For citation: Molodykh V.I., Leontieva T.I. On the Features of Apology Speech Act in Chinese Linguoculture, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2020, Vol. 12, № 2, pp. 227–243.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2020-2/227-243

Дата поступления: 15.05.2020.